

Бай Ичэнь готов был отдать концы от страха.

Сидя на диване с застывшей, вымученной улыбкой, он изо всех сил старался не смотреть в глаза отцу Ань Но, сосредоточившись на его лбу. Пока он не видел чужих зрачков, на душе было чуть спокойнее. «Хм, а лоб у папы Ань широкий, с неглубокими морщинами — наверное, из-за того, что постоянно носит фуражку. Вон та тонкая бороздка... Хорошо, что Ань Но редко надевает форму, а то с такой отметиной было бы не очень красиво...» Мысли Ичэня путались и уносились куда-то не туда. Ему приходилось насильно заставлять себя думать о всякой чепухе, иначе он бы просто сорвался с места и сбежал.

Он сидел, вытянувшись в струнку, так что каждый сустав его тела образовывал идеальный прямой угол. Капли холодного пота то и дело скатывались по вискам; не прошло и пары минут, как спина стала совершенно мокрой. Стояла глубокая зима, на юге в домах не было отопления, царила промозглая сырость. Из-за ледяного пота Бай Ичэню казалось, будто по его венам течет не кровь, а колючее крошево. Что еще хуже, голову распирало, лицо пылало, а пульс гулким эхом отдавался в ушах, окончательно лишая способности соображать.

Ледяное тело и горячая голова — Бай Ичэнь чувствовал, что в этой борьбе двух стихий он вот-вот падет смертью храбрых.

Вообще-то, сцена «знакомства с родителями» была ему вполне по душе, но при одном условии: к ней нужно подготовиться! В идеале Ань Но должен был заранее провести «обработку» родителей, дать Ичэню время привести в порядок чувства и внешний вид, чтобы он мог предстать перед ними безупречно одетым и галантным.

А теперь... в таком-то виде... Ичэнь всерьез подумывал о том, что проще прямо сейчас провалиться сквозь землю.

Но умирать было нельзя — нужно было найти тему для разговора, чтобы нарушить это невыносимое молчание. Родители Ань Но просто сидели и молчали. Ичэнь скользнул взглядом по молодой и красивой маме Ань: «Может, начать с комплимента? Сказать, какая она красивая?»

Отец Ань Но сидел напротив Бай Ичэня и уже несколько минут молча изучал юношу. Совсем молодой. Хотя и одет кое-как, но держится спокойно — видать, не из робкого десятка. На лице застыла улыбка, немного натянутая, но взгляд твердый. Даже под его тяжелым, пронзительным взглядом парень не отвел глаз и не заерзал. Упрямый и смелый малый.

Старший Ань мысленно кивнул: не неженка, не вертихвост, держится достойно. Первое впечатление — приемлемо.

Маме Ань юноша тоже приглянулся. После того как Ань Но расписал его в красках, она ожидала увидеть краснобая с подвешенным языком, эдакого скользкого пройдоху с рыночными замашками. Но, к ее удивлению, парень оказался необычайно сдержанным и молчаливым. Смотрите-ка, сидит себе невозмутимо, выдерживая «свирепый» взгляд мужа, и, кроме застывшей улыбки, ничем не выдает своего волнения.

Сказать по правде, Сунь Цяньсю впервые видела, чтобы кто-то мог так спокойно смотреть в глаза ее супругу — даже их собственный оболтус Ань Но не смел этого делать. Поразительно и то, что, справившись с первым испугом, парень быстро проводил их в гостиную, извинился, переоделся в домашнее и теперь сидел здесь с абсолютно безмятежным видом. Никакой пустой вежливости, никакого лебезения — просто спокойствие в этой наэлектризованной до предела комнате.

Сунь Цяньсю, будучи опытным судмедэкспертом, больше всего на свете не выносила истерик и обмороков. Она заранее решила: если во время этого «внезапного налета» Бай Ичэнь проявит хоть малейшую слабость, она тут же покажет ему «желтую карточку». А если начнет льстить в духе: «Ой, тетушка, вы такая молодая» или «Вам так идет форма», — то сразу «красную» и вон с поля! С точки зрения мамы Ань, мужчина должен быть отважным, солидным и хладнокровным. И пока что Ичэнь проверку проходил.

Ань Но, сидевший рядом со своим возлюбленным, лениво развалился на диване. Фуражку он уже снял, китель расстегнул, и его белоснежная рубашка успела изрядно помяться. Он искоса поглядывал на Бай Ичэня.

«Ну всё, этот парень сейчас в обморок грохнется», — со знанием дела подумал Ань Но. — «Если промолчим еще минуты две, он начнет нести заикающуюся околесицу».

На самом деле Ань Но вовсе не хотел подставлять Бай Ичэня.

Сегодня рано утром, еще до рассвета, родители буквально выставили его из кровати. Открыв глаза и увидев перед собой предков при полном параде в отглаженной форме, он не на шутку струхнул. В обычной жизни они терпеть не могли форму, жалуясь на неудобство, так что их внезапное появление в мундирах всегда предвещало бурю и заставляло Ань Но нервничать. Этот утренний сеанс «форменного искушения» вызвал у него лишь головокружение и холодный пот.

Супруги Ань не дали сыну ни шанса: отобрали телефон, заставили одеться по уставу и под конвоем доставили в аэропорт. Регистрация, посадка, перелет, такси до подъезда — всё на одном дыхании. И вот Ань Но, совершенно беспомощный, «десантировался» прямо перед дверью Бай Ичэня. Он знал, что Ичэнь испугается, но не ожидал, что мелкий еще будет дрыхнуть! Когда тот открыл дверь — заспанный, всклокоченный, но с сияющими глазами — Ань Но едва не растаял от его вида. Даже сейчас он не мог удержаться и то и дело бросал взгляды на прямую спину Ичэня.

Только вот... Ань Но вздохнул. Напротив сидели два «тигра», готовых к прыжку, а бедный Сяо Бай вот-вот отчалит в мир иной от стресса.

«Надо что-то сказать, иначе он точно напортачит», — решил Ань Но.

В гостиной по-прежнему царила тишина. Ичэнь отчетливо почувствовал, как капля пота сорвалась с затылка и медленно поползла вниз по позвоночнику. Этот холодок вдруг прочистил ему мозги, и он выдал на удивление безопасную фразу:

— Дядя Ань, тетя, что бы вы хотели на обед? Мне нужно сходить за продуктами.

Ань Но чуть не прыснул, понимая, что мелкий просто ищет повод сбежать из-под обстрела.

— Не нужно, — голос отца Ань звучал жестко, каждое слово вылетало как пуля. — Поедим то, что есть в доме.

— Тогда... — Ичэнь осекся.

— Бай Ичэнь, — заговорила мама Ань. — Ань Но рассказал мне о тебе...

Ичэнь вспыхнул до корней волос.

— Мы с его отцом хотели спросить: ты думал о том, что будет дальше? О вашем будущем?

Этот вопрос задают, наверное, все родители. Избито, но бьет в самую цель. Любая однополая пара рано или поздно упирается в это слово — «будущее». Будь Ичэнь чуть хитрее, он бы сейчас начал клясться в вечной любви, убеждать родителей в серьезности своих намерений и расхваливать Ань Но, обещая быть «примерным партнером». Ичэнь умел говорить красиво — «подвешенный язык» был его главным капиталом в жизни.

Но в том-то и дело, что сейчас ему подсознательно не хотелось отделяться дежурными фразами. Рядом с Ань Но он предпочитал оставаться «ребенком» — настоящим восемнадцатилетним парнем: искренним, простым, без капли фальши и расчета. Долгие годы он не мог себе этого позволить, его жизнь была слишком тяжелой, и теперь он хотел наверстать упущенное. Поэтому рядом с Ань Но он автоматически отключал все защитные механизмы, что можно было назвать «непосредственностью», а можно и попросту — «глупостью».

Сейчас Ичэнь включил режим полной искренности:

— Тетя, я не загадывал слишком далеко. Мне кажется, нам и сейчас очень хорошо. У меня есть сто пятьдесят тысяч, мы можем снимать квартиру в Городе Н. Я буду учиться, он — работать. А

когда я получу диплом, мы вернемся в Синъянь, потому что... потому что вы с дядей там. Мне кажется, это правильный план. — Ичэнь подумал и решил добавить еще один аргумент: — И... я ведь тоже смогу зарабатывать. Я буду очень стараться, чтобы получать много денег. Я не дам Ань Но страдать от нужды.

Ичэнь говорил это с такой серьезностью, потому что искренне верил: он обязательно будет зарабатывать больше Ань Но. С его точки зрения, в этих словах не было ни грамма лжи. Родители Ань тоже понимали, что формально он прав, но от этих слов им стало как-то не по себе, и они оба сердито уставились на своего «беспутного» сына.

Ань Но лишь лениво кивнул, всем своим видом показывая: «Да, ваш сын, похоже, и правда будет альфонсом».

Мама Ань перевела взгляд на юношу:

— А о давлении общества ты думал?

— Думал, — честно ответил Ичэнь. Теперь он окончательно расслабился — формат «вопрос-ответ» его вполне устраивал, не нужно было самому мучиться в поисках темы. — Я знаю, что Ань Но — госслужащий, и это всё усложняет... Но ведь брат Ся и брат Юй живут нормально. Начальник управления Мо тоже знает и ничего не говорит... А дальше... Если всё станет совсем плохо, мы постараемся не афишировать наши отношения. Если скрыть не получится... мне-то всё равно, я не на госслужбе, а вот старшему брату Ань придется нелегко.

С каждым словом Ичэню становилось всё больше неловко перед Ань Но. Ему казалось, что он рушит будущее любимого человека, и в его голосе зазвучали нотки тревоги и раскаяния:

— Я знаю, что это я его подставил. Я сам начал за ним бегать, я навязался ему... Виноват только я, но... я правда его люблю!

Ань Но с серьезным видом кивнул родителям, мол: «Видите? Я же говорил, он такой добрый, что всё берет на себя». А про себя подумал: «Бай Сяочэнь, вопрос о том, "кто за кем бегал", нам определенно стоит обсудить подробнее. Сегодня же вечером!»

Мама Ань едва заметно усмехнулась. Если бы она заранее не навела справки, эта речь заставила бы ее либо выхаркать кровь от возмущения, либо прибить Ань Но и родить заново.

Отец Ань сурово нахмурился и произнес всего одну фразу:

— Бай Ичэнь, ты слишком мал.

Ань Но внезапно поднял голову и в упор посмотрел на Ичэня.

Бай Ичэнь понимал, что этого вопроса не избежать. Семь лет разницы — это не просто цифра. Это семь лет жизненного опыта, семь лет социальной закалки, семь лет взросления. В глазах окружающих их любовь была лишь детской игрой, и ни один родитель не поверит в «вечные чувства» восемнадцатилетнего мальчишки.

Ичэнь вспомнил, как в школе учителя отчитывали влюбленных одноклассников. Первым делом они спрашивали: «Да что вы понимаете в любви в свои-то годы?» И ребята лишь угрюмо отворачивались, не зная, что ответить.

Ичэнь и сам задумывался: действительно ли то, что он чувствует к старшему брату Ань — любовь? Что вообще такое любовь? Те два дня в безопасной квартире Цинь Сяо он только об этом и думал, но так и не нашел ответа. Но сейчас, глядя на родителей Ань Но, он почувствовал нечто странное.

Как будто он — жених, пришедший просить руки дочери, а будущие тесть с тещей сидят перед ним и строго спрашивают: «Ты любишь нашу девочку?»

Что ответить? Как убедить их, чтобы они со спокойной душой «отдали ее замуж»?

Ичэнь замялся. За все свои восемнадцать лет он и представить не мог, что окажется в такой неловкой ситуации.

Ань Но недовольно поморщился, глядя на отца. Мол, ну и вопросы у тебя, старик. Даже сорокалетний мужчина не всегда может внятно объяснить, что такое любовь и готов ли он прожить с кем-то до гроба, что уж говорить о Бай Ичэне, который со всех сторон еще сущий ребенок.

— Пап, ну этот вопрос... — лениво вмешался Ань Но, не в силах смотреть на терзания Ичэня.

— Помолчи, тебя не спрашивают! — отец Ань одним взглядом пресек все попытки сына встрять в разговор.

Ичэнь, видя, что его единственный союзник позорно капитулировал, невольно выпрямился еще сильнее:

— Дядя Ань, я и правда намного младше. И... и у меня раньше никогда не было отношений. Я не могу красиво объяснить, как сильно я его люблю, но... — Ичэнь глубоко вздохнул, набираясь храбрости. — Что бы ни случилось, я никогда не оставлю Ань Но!

— Это еще что значит? — в голосе отца Ань слышались угрожающие нотки. — Ты мне угрожаешь?

— Нет-нет! — Ичэнь запаниковал, чувствуя, что окончательно всё испортил. — Я хотел сказать...

Слова застряли в горле. Он отчаянно хотел доказать, что это не минутный порыв, что он не путает привязанность с любовью, что он действительно понимает разницу.

Ань Но поднялся с дивана, и всё его напускное безразличие мгновенно испарилось. Он стал предельно серьезным:

— Пап, мы не можем ответить на этот вопрос. — Он подсознательно использовал слово «мы», подчеркивая, что они с Ичэнем — одно целое. — Никто не знает, что будет завтра. Может, на следующем задании меня вообще пристрелят...

Ань Но взглянул на Ичэня и ободряюще улыбнулся, заметив, как тот вздрогнул от его слов.

— Будущее туманно. Но зачем нам отказываться от счастья сегодня из-за страха перед завтрашним днем?

Он слегка наклонился вперед, уперся локтями в колени и накрыл ладонь Ичэня своей рукой:

— Я люблю его. Здесь и сейчас. И я уверен, что буду любить его в будущем. Это моё решение. Если он будет любить меня вечно — замечательно. Если нет... я всё равно буду его любить. Понимаете? Даже если мы расстанемся, сам факт не изменится. Я люблю его. Только его.

Отец Ань был человеком старой закалки. Он редко говорил о чувствах — за всю жизнь «люблю» и «нравлюсь» он произносил разве что когда ухаживал за женой. После свадьбы эти слова из его лексикона исчезли. И теперь, слушая, как сын рассыпается в признаниях, он почувствовал, как его суровое лицо предательски заливает румянец.

Старший Ань смущенно отвел взгляд и посмотрел на жену, так что не заметил, как Ичэнь просиял от счастья. Зато это отлично видела Сунь Цяньсю. Она вздохнула, покачав головой, а Ань Но победно потрепал Ичэня по макушке:

— Иди, приготовь обед. Я проголодался.

Бай Ичэнь, пребывая в каком-то блаженном тумане, побрел на кухню. Копаясь в холодильнике, он глупо улыбался: «Он любит меня. Он любит меня. Даже если я перестану его любить, он всё равно будет!» Это осознание наполнило его таким счастьем, что он готов был горы свернуть. Он принялся выгребать из холодильника всё подряд, пока стол не оказался завален продуктами.

Мама Ань незаметно проскользнула следом. Глядя на то, как Ичэнь со счастливым, отрешенным лицом, но при этом на редкость ловко управляет с готовкой, она невольно улыбнулась:

— Бай Ичэнь!

От неожиданности тот чуть не подпрыгнул до потолка.

— Бай Ичэнь, давай я тебе помогу.

— Ну что вы, тетушка, мне неловко, — пролепетал он, но мама Ань уже взяла рыбу и принялась молниеносно ее чистить.

Глядя на то, как в руках мамы Ань сверкает нож, и вспомнив ее профессию, Ичэнь не сдержал восхищенного возгласа:

— Как круто!

— Что? — переспросила она.

— Ой, ничего... Просто вы так мастерски владеете ножом! С таким достоинством, так... так... внушительно! — Ичэнь долго подбирал подходящее слово.

Мир полон удивительных совпадений. Сунь Цяньсю за ее холодную красоту прозвали «Прекрасным ликом Ракшаса». В начале карьеры все только и обсуждали ее внешность, напрочь забывая о том, что она — блестящий судмедэксперт и лучшая выпускница курса. Сунь Цяньсю ненавидела эпитет «прекрасный», ей казалось, что ее принимают за пустоголовую куклу. Позже, когда она стала известной, ее начали звать «Ракшасом», и это бесило ее еще сильнее — будто она какая-то разбойница из придорожного трактира.

Она терпеть не могла любые определения, связанные с «красотой» или «свирепостью». А вот слова Ичэня о том, что она выглядит «круто» и «внушительно», попали в самую точку. Ее самолюбие было польщено, и симпатия к Ичэню мгновенно выросла на пару уровней.

В теплой и дружеской атмосфере они закончили обед. Отец Ань попробовал рыбу, бросил на жену вопросительный взгляд, но та лишь мельком глянула на Ичэня, давая понять: «Это не я готовила». Лицо отца стало еще мрачнее, и он с каким-то остервенением принялся есть рыбу, будто сводил личные счета с речными обитателями.

Ичэнь, напуганный суровостью старшего Аня, так и не решился прикоснуться к этой рыбе до самого конца трапезы.

Работа родителей Ань Но была специфической, а их выходные — редкими, как оазис в пустыне. Этот единственный свободный день стоил им огромных трудов по подмене смен, так что уже днем им нужно было улетать обратно. Бай Ичэнь за короткое время постарался проявить себя с лучшей стороны. Он включил весь свой профессионализм первоклассного официанта: перемыл посуду, вызвал такси, а потом, подумав, нашел в интернете телефон службы такси Синъяня и заказал машину к аэропорту, чтобы родителям не пришлось ждать по прилете. Кроме того, он собрал им с собой ланч-бокс с нарезанными фруктами — в самолете воздух сухой, одной водой не спасешься. Добавил коробочку с печеньем на случай, если бортовая еда придется не по вкусу. А перед самым выходом проверил пробки в городе и выбрал для таксиста кратчайший маршрут.

Родители Ань молча наблюдали за этими хлопотами. Мама Ань с тревогой шепнула мужу:

— Что делать? Твой сын окончательно обленится! С такой заботой он скоро совсем разучится за собой ухаживать.

Отец Ань, кипя от негодования, вытащил сына на балкон. Протянул ему сигарету и заговорил тоном, не терпящим возражений:

— Сын! Ты ведь намного старше этого парня!

— Угу.

— Веди себя соответствующе!

— Угу.

— Не смей лениться. Если решили быть вместе, делите домашние дела поровну! Эти мелочи кажутся пустяками, но именно они разрушают отношения.

— Угу.

— Хватит «угукать»! — взорвался отец.

Ань Но лишь вздохнул. «А что мне еще говорить? Ты думаешь, Ичэнь из тех, кто позволит мне что-то делать?» Он вспомнил, как обещал А-по, что будет делать всё, кроме готовки, и Ичэнь воспринял это буквально! Его мелкий сейчас был воплощением идеального супруга: делал всё, разве что детей не рожал.

— Да скажи ты хоть слово! — характер отца вот-вот должен был дать о себе знать.

— Ладно-ладно, я понял. Буду помогать по дому. Ичэнь просто сегодня перед вами красуется, в обычные дни всё не так гипертрофированно.

— Врешь! Я тебя двадцать четыре года знаю. Ты веник в руках держал от силы пару раз! Если не он, то кто? Ты, что ли, будешь полы мыть?

Ань Но посмотрел на отца озадаченным взглядом:

— Господин офицер, я вам точно родной сын?

Отец Ань молча затаился, поглядывая через стекло в гостиную. Там мама Ань о чем-то негромко разговаривала с Ичэнем, а тот слушал, опустив голову.

— Ань Но, — отец заговорил максимально серьезно. — Бай Ичэнь слишком молод. Честно говоря, мы с матерью не верим в вашу так называемую «любовь». У меня такое чувство, что через пару-тройку лет вы разбежитесь. И мы просто хотим, чтобы ты был к этому готов и нашел в себе силы пережить разрыв.

— Мы не расстанемся!

— Расстанетесь, — медленно произнес отец. — На чем, по-твоему, строится любовь? Да, вы вместе прошли через ад, такая связь на грани жизни и смерти может быть невероятно глубокой, ты можешь быть готов отдать за него жизнь. Я это понимаю. Но это еще не любовь.

Ань Но перестал паясничать и внимательно вслушивался в каждое слово.

— Мы с твоей матерью вместе почти тридцать лет, и я до сих пор не уверен, что до конца понимаю, что такое любовь. Но я точно знаю: у любви должен быть фундамент. Общие цели, общие темы, общая жизнь. Что у вас общего? Ты — полицейский, он — будущий архитектор. У вас нет профессиональных точек соприкосновения. Ты любишь посиделки с друзьями и разговоры о высоком, он — домашний уют и бытовую болтовню. У тебя почти нет амбиций, ты просто честно делаешь свою работу, а он... ты же слышал. Он хочет заработать состояние, хочет добиться успеха... Ваши пути будут расходиться всё сильнее. Он будет вращаться в кругах среднего класса, а ты — среди бандитов и шпаны... О каких общих интересах может идти речь?

Ань Но промолчал. Он вдруг вспомнил слова Ичэня о «Титанике». Тот говорил: «Джек и Роуз из совершенно разных миров, у них нет общего языка. Это классовый конфликт, он неразрешим».

Сейчас эти слова отозвались в сердце Ань Но холодной тревогой. Он растерянно посмотрел на отца, надеясь услышать хоть какой-то совет или слова поддержки.

Ань Хунъи похлопал сына по плечу:

— Ты готов уйти от него прямо сейчас?

— Ни за что! — почти не думая, выпалил Ань Но так громко, что Ичэнь в комнате обернулся на звук.

— Тогда готовься либо к тяжелому расставанию, либо... к тому, что тебе придется очень стараться, чтобы соответствовать ему. По крайней мере, ты не должен позволить ему уйти слишком далеко вперед.

— Пап? — Ань Но удивленно поднял голову.

— Бай Ичэнь — хороший парень. Если не брать в расчет пол, я бы сказал, что он для тебя слишком хорош. Но... мы с матерью никогда не могли на тебя повлиять, ты у нас слишком упрямый и всё всегда решаешь сам. Раз уж ты выбрал этот путь, мы не станем мешать. Иди своей дорогой. Если будешь счастлив — нам больше ничего и не нужно. А если нет... просто возвращайся домой. Мы с матерью всегда будем тебя ждать.

Всю дорогу до аэропорта Ань Но крепко держал Ичэня за руку. Сжимал так сильно, что Ичэню стало не по себе. Он вопросительно посмотрел на Ань Но, но тот лишь вымученно улыбнулся и покачал головой. Ичэнь покосился на отца Ань, сидевшего впереди, потом на маму Ань рядом с собой, и решил не спрашивать, хотя тревога внутри росла с каждой минутой.

Уже перед зоной досмотра мама Ань внезапно взяла Ичэня за руки и очень серьезно произнесла:

— Сяо Бай, Ань Но — хороший человек. Раз уж вы решили быть вместе... не подводи его.

От этого неожиданного, почти материнского напутствия Ичэнь совершенно растерялся. Это же чистой воды сцена из серии «отдаю дочь замуж»! Он не знал, что сказать, и лишь суматошно закивал:

— Тетушка, не волнуйтесь, я буду очень заботиться об Ань Но. Я его не подведу. Я... я буду за него в ответе!

Отец Ань мрачнел с каждой секундой. Ань Но закатил глаза, в очередной раз напоминая себе, что вечерний разговор с Ичэнем должен быть предельно «глубоким».

Только когда самолет с родителями скрылся в облаках, Ичэнь наконец-то смог выдохнуть:

— Чуть не умер от страха! — пробормотал он под нос.

— Они уже улетели, а ты только сейчас «умираешь»? — усмехнулся Ань Но.

— Еще бы! Ты хоть представляешь, как мне было неловко? Ты же меня даже не предупредил!

— Не успел. Они всё продумали, специально не давали мне возможности тебе звякнуть. — Ань Но и сам подивился хватке своих предков.

— Послушай, старший брат Ань, — Ичэнь посерьезнел. — Что случилось на балконе? Ты сам не свой.

— Да пустяки, — легкомысленно отозвался Ань Но. — Просто осознал ответственность. Вдруг ты и правда начнешь грести деньги лопатой, а я стану альфонсом?

— Ты правда из-за этого переживаешь? — Ичэнь не оценил шутки и стал еще серьезнее.

— А? — Ань Но не ожидал такой реакции. Он думал, мелкий сейчас гордо выпятит грудь и заявит что-нибудь в духе «Папочка тебя обеспечит».

— Ну, не то чтобы переживаю, — честно признался Ань Но. — Но давление чувствуется.

— Да с чего бы? — удивился Ичэнь. — Посуди сам: мне учиться еще семь лет. Всё это время нам нужно снимать жилье, на что-то жить, а архитектурный — это безумно дорого. Кто будет всё это оплачивать? Ты. Моих ста пятидесяти тысяч хватит от силы на год-два. Так что первое время тебе придется пахать за двоих. А когда я начну зарабатывать, ты сможешь отдохнуть, и уже я буду приносить деньги. Разве это не честно и не логично?

— К тому же в моей профессии то густо, то пусто. Если будет проект — будут деньги, не будет — хоть лапу соси. Может, тебе еще полжизни придется меня содержать... — Ичэнь вдруг осекся и с тревогой добавил: — Знаешь, мне всё-таки стоит найти подработку. Нужно откладывать на черный день, а то вдруг после диплома я сразу работу не найду... Представляешь, какая на тебя нагрузка ляжет...

Ань Но смотрел на этого серьезного юношу, который увлеченно планировал их общее будущее, и чувствовал, как тяжесть на сердце бесследно исчезает. Будущее... оно наступит когда-нибудь потом. А сейчас ему до безумия хотелось просто прижать этого парня к себе.

Ань Но не стал сдерживаться. Он обнял Ичэня прямо посреди шумной толпы аэропорта, где люди с чемоданами вечно куда-то спешили. А они просто стояли, обнявшись, и время для них словно замерло.

Ань Но снова вспомнил слова Юй Дая: «На самом деле он взрослее тебя». Ичэнь и правда был для него настоящим чудом. Ни одно слово, ни одна фраза не могли описать его полностью. Он был таким искренним, таким умным, таким сильным и понимающим. Ань Но понял, что на жизненном пути Бай Ичэнь станет для него не просто любимым человеком, а опорой, путеводным светом и чудом, которое будет с ним до самого конца.

<http://bllate.org/book/18167/1819812>